

(659)
13 марта 2012 года

Вызывать сочувственную симпатию к героям.

Жизнь, сотворенная позавчера, молода и пышет счастьем.

«Сколько белого дня, столько и черной ночи».

проза

Трудный путь к счастью

Книга **Сандры Мясниковой «Детки не растут на ветке»** (издательство «Русский двор») погружает читателя в сложную, порой жестокую реальность последних десятилетий, когда женщине совсем не просто найти свое место в жизни и обрести семейное счастье. Дебют автора в литературе состоялся под девичьей фамилией Жирмунская (Александра родилась в семье поэтов, прозаика и литературоведа Тамары Жирмунской и киносценариста и прозаика Павла Сиркеса, окончила Литературный институт им. А. М. Горького). Первая ее книга прозы «Женщина на земле» вышла в 1997 году. В новой книге «Детки не растут на ветке» искренний психологизм автора позволяет читателям заглянуть в душу ее героинь, переживать вместе с ними, верить в счастливый финал. Свое мнение о книге Сандры Мясниковой высказали писатели Фазиль Искандер и Игорь Волгин.

Гимн

Жестокость и честность

Трогательный и честный, исповедальный характер повествования Сандры Мясниковой заставляет читать ее с открытой душой и сочувствием. Я приветствую такой подход к литературе - вызывать сочувственную симпатию к героям, сопереживать их несчастьям, грехам волевым и невольным. И, главное, их стремлению найти любовь настоящую - и возвышенную, и чувственную - и потом пытаться удержать ее. Героини писательницы Сандры Мясниковой хороши собой, умны, а главное - открыты и искренни. Их борьба за любовь и место в жизни абсолютно естественна, а не агрессивна-эгоистична. Одним словом, автор, на мой взгляд, пропел гимн женственности, увы, исчезающей из жизни на наших глазах. Хочется верить, что не полностью и не навсегда.

Фазиль ИСКАНДЕР.

Уверенной, твердой рукой

«Ты женщина, и этим ты права», - сказал поэт. Героини Сандры Мясниковой всегда оказываются правы - как по отношению к ухажившим от них возлюбленным, так и вообще - к подстерегающим их неблагоприятным жизненным обстоятельствам. Они, эти героини, бескорытны, целеустремленны, расчетливы, хитроумны, наивны (порой эти свойства мирно сосуществуют). Но они всегда остаются женщинами.

Разумеется, это не романтические тургеневские девушки и не роковые инфернальницы Достоевского. И уж во всяком случае - не «бедные Лизы». Это вполне современные, самодостаточные, нередко весьма обеспеченные представительницы уже давно не слабого пола, знающие, чего они хотят, и неплохо ориентирующиеся в жестоких законах этого жестокого мира. При этом они не утратили главного - ради чего они хотели бы существовать: способность любить и быть любимыми.

И рассказы, и повесть «Детки не растут на ветке», и путевые очерки, и переводы Сандры Мясниковой написаны уверенной, твердой рукой. Они, к счастью, лишены тех пышных псевдокрасот, которыми изобилует наша так называемая женская проза. Автор искусно выстраивает сюжет («Страница Елизавета») и органично приобщает читателя к скрытому лирическому подтексту своих повествований. Она не пытается «выбить слезу» (гон этой прозы достаточно сдержан и аскетичен), но, может быть, именно потому ее внешне бесхитровые новеллы вызывают живой эмоциональный отклик.

Автор много видела (Россия, Германия, Франция, Полинезия) и, очевидно, многое пережила. Чувствуется, что некоторые сюжеты основаны на личном биографическом опыте («Ты, я и собака Сольвейг»). Но опытный творчески преобразован и омыслен. Все это придает прозе, представленной в книге «Детки не растут на ветке», психологическую убедительность и событийную достоверность.

Игорь ВОЛГИН, доктор филологических наук, профессор.

Владимир ПОЗНЕР:

Прощание с иллюзиями далось трудно

встреча с автором

Один из самых известных российских тележурналистов, человек, которого часто называют лицом эпохи перемен, - Владимир Познер представил свою книгу «Прощание с иллюзиями».

Эта русская версия появилась ни много ни мало спустя 21 год после американского издания. В свое время в США она двенадцать недель держалась в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк таймс». И только теперь, по мнению автора, пришло время поговорить русскому читателю о книге.

- Это издание, возможно, для массового читателя, - говорит Познер. - Моя книга - некий итог; даже в какой-то степени - исповедь. Насколько правильными были мои убеждения прошлого, может быть, мир тридцатилетней давности просто оказался во власти красивых, но опасных иллюзий?

Автор рассказывает, что, когда ему предложили написать о своей жизни, он не хотел, отказывался говорить о личной жизни. В течение длительного срока он по 3-4 часа в день надиктовывал свои мысли на кассетный магнитофон, и в итоге 40 кассет улетели в Америку к редактору. Хорошо, талантливому редактору. А их, по словам Владимира Познера, можно встретить на манеро реде, чем хороших писателей.

- Как правило, редакторы - это неудавшиеся писатели, которые писателей не любят, - уверен он. - И встретить редактора от бога - большая редкость, поверьте. И она сказала мне, что книга очень интересная, но если я не захочу говорить о себе, о своих личных вещах, то у нас ничего не получится. И я решил, сел мучительно писать книгу сам. И прочувствовал в ней с верой. Той верой, в которой воспитал меня мой отец: в советскую систему, в коммунизм. Я разбирался в своей жизни и в личных, сложных отношениях с отцом. И было все очень тяжело и долго. Писал я еще на английском, по-американски аргументируя.

Ведь моя жизнь начиналась не на русском языке. Мне повезло, и несмотря на то, что семь издательств практически одновременно отказали мне в любви и печати, она вышла и стала бестселлером. В предисловии говорилось, что я - главный комментатор Советского Союза. Я им не был. Скорее я был «странным русским», хорошо говорящим на английском языке. Мою книгу затем перевели на итальянский,

немецкий, корейский. Предлагали на русский. Но я решил, что это я должен сделать сам. Слишком лично, слишком ответственно... «Прощание с иллюзиями» далось мне слишком трудно, и я решил немного подождать с русской версией.

Ждать пришлось восемнадцать лет - перевод был завершен в 2008 году. Еще три года Познер размышлял над тем, как в рукописи эти прошедшие годы отразить. И только теперь, по мнению автора, пришло время. - Когда я перечитал книгу, то понял, что много всего изменилось за прошедшие годы. Изменилось, и не только в мире, но и в том, что я думаю, и в моем отношении ко всему происходящему. Как же быть? Осознать? Написать заново? Сделать вид, что уже тогда я все понимал и предполагал, что будет через 18 лет? Нет. Я хотел, чтобы мой российский зритель, мой читатель не увидел фальши. Я решил оставить книжку такой, какой она была. Но при этом снабдить каждую главу своего рода комментариями к написанному, отражающими мои сегодняшние взгляды. Мир стал другим. Стал ли он лучше или хуже - вопрос непросто. И в моей книге я сопоставляю свои былые взгляды с точкой зрения, в которую внесло свои коррективы время.

История соткана из судеб живых людей. Поэтому автор не мог не рассказать о перипетиях своей собственной судьбы, о людях, с которыми ему выпало встретиться на жизненном пути, о своих победах и разочарованиях...

- Первая книга касалась Советского Союза, моего отца, вторая - скорее прощание с Америкой. Я был стопроцентным американским мальчиком. Тем более мальчиком из Нью-Йорка. И я сохранил такое отношение к Америке, как мой отец к дореволюционной России. И из-за этого отношения он потом вернулся в СССР. И я ужасно хотел вернуться домой, в мой родной город, который был гораздо ближе, чем Москва. И в 1991 году я вернулся. Надоело, на 7 лет. Я работал на американском телевидении, объездил страну вдоль и поперек и совсем по-другому ее познал. И здесь я тоже прощался с иллюзиями.

Владимир Познер добавляет, что он видел все крупней-

ФОТО А. СЛАВУЦКОГО

«Амфора»

Боровский Александр. История искусства для собак. 128 с., ил.

«Книжный Клуб 36,6»

Берк Алафер. Город лжи. Перевод с английского А. И. Сандлера. 336 с.

Герритсен Тесс. Гиблое место. Роман. Перевод с английского Н. Куликовой. 304 с.

«Махаон», «Азбука-Аттикус», «Морпурго Майкл. Боевой конь. Роман. Перевод с английского М. Мельниченко, Н. Кошча. 160 с.

Функе Корнелия. Чернильная кровь. Роман-фантазия. Перевод с немецкого М. Сокольской. 656 с., ил.

«Эксмо»

Аргов Шерри. Мужчины любят стерж. Руководство для слишком хороших женщин. Перевод с английского Т. Новиковой. 320 с.

Гольман Иосиф. Хранитель Реки. Роман. Серия «Мужской взгляд». Проза И. Гольмана. 448 с.

Маринина Александра. Бой тигров в долине. Роман в 2 томах Т. 1. Серия «Королева детектива». 352 с.

Михайлова Евгения. Длиннее века, короче дня. Роман. Серия «Детектив-событие». 320 с.

Пелевин Виктор. S.N.U.F.F. Роман-утопия. 480 с.

Троица Татьяна. Чужая женщина. Роман. Серия «Мелодии любви». Романы Т. Троиной. 320 с.

Татьяна БЕЛОЖИЖИНА.

служба ФРГ, созданная генерал-майором Геленом. - А. С.) были эсэсовцами. По всему миру за ними шла охота.

- Вы думаете, это реальность, а не чьи-то фантазии?

- Нет, это просто факты. Эсэсовцы сотрудничали с палестинскими спецслужбами, потому что те были против англичан, и одновременно с евреями, потому что те были против палестинцев. Из современных политических детективов узнаешь совершенно неожиданные сведения.

- Уверены ли вы, что это не досужие вымыслы?

- Вы почитайте, потом будете сомневаться.

- В библиотеках не бывает больше?

- Зачем? Даже в книжные магазины не захожу.

- И все же не могу не спросить, что вам ближе - современная литература или классика?

- Я читаю что угодно, через раз то старое, то новое, то классику, то современников. Главное, чтобы было написано талантливо. Захожу на любой сайт, где можно FB2 скачать.

Осенью у вас вышел двухтомник. Сейчас вы что-нибудь пишете?

- Нет, пока нет.

А почему, музыка молчит?

- У нас много концертов, записей. Кроме того, мы выпустили несколько альбомов, и аннотацию к каждому диску пишу сам. С писательским трудом это, конечно, сравнить нельзя, а вот с журналистикой вполне возможно.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

Привет из Торжка

впечатления

«...Есть дедушка-толстовец на стене, с укоризной смотрящий на своих потомков сверху вниз. И ничего не говорящий... Он стар и красив, как смерть. Да и что говорить после того, как она уйдет от меня, осторожно ступая своими узенькими ступнями, и я услышу, словно шорох осыпающихся песчинок в часах, ход ее шагов?»

Игорь Михайлов «Шаги».

Есть что сказать! И книга Игоря Михайлова «Письма из недалека» (издательство «Художественная литература») доказательство. Оглянешься вокруг, и правда - уходит... Уходит не только советский (столь разруганный за стабильный свет в конце тоннеля) быт, уходит вся «чужая» Россия (оставшаяся рабов и начальников на безграбичных просторах с именем, написанном постоветской переселенке народов завершается на наших глазах. Пустеют просторы, некого отовоенные у природы нашими предками, будет тут «дедушка», даже не толстовец, смотреть с укоризной. Опустел не только остров Сахалин л потерявший за двадцать лет более половины населения; все Зауралье стягивается в крупные города, потеряв всякую надежду на государственную поддержку деревенек и поселков, окончательно осознав полное свое бессилие в единоборстве с вечностью.

Так и видится, как подтягиваются все в Московский федеральный округ - все оставшиеся трудовые шестьдесят миллионов тенью шествуют по просторам и вдоль рек, ж/д и авиатропками. Не минула похотная судьба и города «Золотого кольца». Правда, золотишка в виде металла тут давно нет, осталось лишь душа, которая в теле чужд жидится. И Михайлов, средневещишь с ней - с душой средней России, выслепнул чувства в слова, ставшие очерками и рассказами. (Правда, в текстах у него пафоса поменьше, чем у меня здесь.)

А вот тоски в этих текстах не меньше, чем любви. Продуманная архитектура книги приятна. Несколько саркастический стиль путешествующего писателя, пишущего очерк за очерком о городах и всяких, вызывает здоровое чувство зависти. Желание бросить все в столице и самому окунуться в прелесть и жуть старинного запустения, вспомнить, перечитать путеводители и книги по истории, как тут жили, и кто тут жил много столетий подряд, вселяется в читателя после нескольких страниц. Со мной по крайней мере произошло именно это. Может, и потому, что сам прохал по этим местам не раз, и пожил тут и там по дню-два.

По остроле толстого восприятия - это, конечно, «письма» - пусть даже автор и определяет их жанр, как очерк или рассказ. Названа же книга «Письма из недалека». Воистину «недалеко» - всего-то километров 150 - 200 от столицы. А насколько разнится жизнь, насколько тьма вечерняя гуще, ночи тиши, а утра уютно-туманной... да даже с товарищем Лениным, оставшимся соляным столбом на каждой площади на фоне сотен тысяч неприкаянных соотечественников, устремляющих взгляды к столице.

Сожаление об утерянности сохраненной Михайловым натуры (настоящий день в тексте давно стал прошлым, как виды на дореволюционных фотографиях) не покидает. Большинство очерков и рассказов написаны в начале этого века, и не отразили катастрофических перемен последних 2 - 3 лет (вот так время выплывает неудобное). Тот же Углич (превратившийся из промышленного городка в элитный туристический центр - с яхт-клубами и шикарной набережной, застроенной дорогими, но пустующими отелями, - подталкивающимися молодежи по большей части к разврату) - у Михайлова еще в предфазе - между-между... когда все старое почти умерло, а новое пока глубоко под землей. И виден еще «подлинный Углич» - в вечно полудреме и нежной призраке, будто бы окликанный своей судьбой» по дороге от калачи к учреждению культуры «Музей истории русской водки». Углич с монастырями и церквями, неизменными царевнами, Дмитрием на иконах, гербах и брелках, чадом-кремлем, в котором беспомысленность наша тихо бродит по тропинкам с экскурсоводами и священнослужителями.

Сам видел, как после очередной реставрационной прищипки надгробия XVII и XVIII веков были стыдливо завалены поужей осенней листвою

в самом центре кремлевского комплекса. Вспомнил мне тогда случай с надгробием героя войны 1812 года генерала Дорохова в подмосковной Верее. После революции его, как царского генерала, по неведению выкинули за стены монастырские, хотя памятник на горке оставили. А сербобольные и верные в благодарности жители Верее спрятали надгробие почетного гражданина города, освободившего их от французов без единого выстрела, спрятали в мусоре - в той же самой листве поужей и прочей природной тухле - почти на все двадцатое столетие.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительство» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

словами надежды, вырывающимися, как и положено, из уст пьяного (как подтверждение того, что жила в уме трезвого): «Аста ла виста», что, как известно, значит «До свидания», то есть - мы еще поживем, Диас не таких переживали. Если не мы, так дети. Не зря же ездит к Геннахе из самой Москвы сын на джипе с ласковым прозвищем «жид». В России все свое место и время.

И переживем, коль герой рассказа «Ку-ку!» дядя Толя Кукушкин и вовсе прощ. Что может быть прощ «создателя»? Он столь же мифологичен, как и все предшествующие создающие жизнь и вечность поколения его предков. Потому и необходимо заметить автору, что «мир был сотворен позавчера в сарае дяди Толи Кукушкина».

Мир этот - тот самый, что прорисован на декорациях в очерах, как кирпично-деревянный быт Золотого кольца, - оказывается, был сотворен позавчера.

Когда «соседей куда-то унесло. Ты еще спала. И город был в какой-то дымке, его еще только выдумывали, но как-то настел, ничего не успели построить... Города пока еще нет. И ничего нет». Это из рассказа «Возвращение в сентябрь». История туговатой на око бабы Ирины - почти апокриф. Есть герой - маленький автор, его бабушка и «природ пустота».

«И природы нет еще. Лишь сплошной туман, как до начала творения. Всевышний придумался. Или еще спит. Все еще впереди...»

Это извечная наша всероссийская молодость, наша «только что сотворенность» и не понимаемая многими цивилизованными читателями и критиками. Пишут о ней веками русские писатели, а все одно не понимают нас.

«Мы начали творить этот мир из ничего. Сами. Не ждать же, когда его кто-то начнет выдумывать».

А что же делать, если они такие туговатые? Бросить, что ли, труд писательский?

Так же не может существовать иначе и дядя Толя Кукушкин - герой рассказа «Ку-ку», он же в жизни Горюхович (Игорь Михайлов, кстати, тоже псевдоним). Не может он бросить родовое свое предназначение, хотя «под ногами бездна, готовая вот-вот разверзнуться», и роковые вопросы замучили: «А вдруг еще не пора? А вдруг надо подождать еще пару тысячелетий?» - и просидеть их на полятах Ильей Муромцем?

Не ждаты! Иначе не услышать, как только что сотворенная жизнь «ходит маленькими шажками, осторожно доверяя земле свою невесомость...» «Ступни у нее маленькие, узенькие. Когда я влекую их шершавую кожу, то мне всегда хочется укущить их. Чтобы попробовать на вкус. Может быть, на языке я смогу ощутить аромат неба и чего-то воздушного и мускатного...»

Читатель может не согласиться со мной, как и выше-названный критик, увидевший в книге несколько другое, и услышавший «в беспросвете русского непотпуска... нерусский возглас (Nevermore), залетевший к нам из бесконечности мировой культуры. Есть к чему прислушаться! Есть к чему выбирать...»

Наприслушались... Наверняка... Спасибо деятелям развала и пенсионерам равнения на «бесконечность мировой культуры», пророчащей «НИКОГДА». Вы в окно-то посмотрите, но так выберите ракурс, чтобы не Кремль столичный видеты! Это же последствия вашего выбора!.. Непаханые поля, разрушенные заводы, опустевшие города, вымирающая страна, обилие билбордов радостного содержания «Ему доверяют, с ним хотят работать!» и вращающиеся в горизонт кресты кладбищ.

Я же чувствую не только авторское недоование от навороченных в России делешек, но первозданный восторг перед жизнью, которая навсегда - «позавчера сотворена», потому молода и пышет счастьем, от которого бежать просто некуда.

А куда от себя убежать? «Смысла в жизни все равно не больше, чем в капле дождя», гдадающей с листка вишни на темя младшей от руках матери.

Многим это было понятно в безбрежности детства (прошу прощения за каламбур). Писателю Игорю Михайлову это понятно и сейчас. Иначе как бы ему хватило сил насытить почти вымерший для большинства из нас мир заново!

Окончание на 2-й стр.

Времена не выбирают

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Думаю, что ныне всякая новая книга о Путине - факт довольно рядовой, об этом человеке много пишут и еще будут писать, и вообще нет другого политика в России, чье имя столь часто упоминалось бы. Книга Ольги Видовой «Владимир Путин. Времена не выбирают» (издательство «Парад») - в череде подобных изданий. Но разница все же есть: она написана человеком со стороны, профессором, живущим в Казахстане. Это означает, что и взгляд у автора «незамысловатый», не зависит от российской конъюнктуры. Человек же, живущий вне российских границ, свободен от условностей. Уже только одно это интересно для гражданина России.

Автор «Времен» Ольга Видова живет в казахстанском Усть-Каменогорске - кстати, бывшем российском городе, где все неудачи наши воспринимаются очень остро, а удачам радуются вместе с нами; события двенадцатых годов многими устькаменогорцами были восприняты как личная беда.

А Россия в ту пору катилась вниз - ехала на глазах у всего мира под веселое улюлюканье западных «партнеров» и добираясь до такой низкой точки, ниже которой ничего уже нет - только приспосабливая... Страну начали открыто презирать. В бывших братских советских республиках - в первую очередь. В том числе и в Казахстане. Видова сама была тоном свидетелем. И что применительно: чем хуже делалась обстановка в России, тем хуже относились к русским бывшие братья. Видова испытала это на себе. Эта

волна прокатилась по всем городам и весям, в том числе и по русскому Семипалатинску. А что? У русских там совершенно не было защиты. Их бывшая родина лежала на боку, издыхала - со стороны это было очень хорошо видно. Слабела Родина с каждым днем, было больно смотреть на нее.

Закончилась это с уходом Ельцина и его команды в отставку. Правда, команда эта не пропала, нигде не исчезла, хотя ключевых постов уже не занимала.

Пришли другие «последователи». К ним у соотечественников тоже есть немало претензий, но, как бы там ни было, Россия начала подниматься на ноги, и граждане России стали ощущать себя не людьми дна, а именно гражданами. В основном благодаря человеку, которому посвящена книга Ольги Видовой.

Пришли другие «последователи». К ним у соотечественников тоже есть немало претензий, но, как бы там ни было, Россия начала подниматься на ноги, и граждане России стали ощущать себя не людьми дна, а именно гражданами. В основном благодаря человеку, которому посвящена книга Ольги Видовой.

Привет из Торжка

проза

Начало на 1-й стр.

Населять, называть, одухотворять, взглянув туда, где «ничего, собственно, не происходит». «Просто ночь. Мосты разводят вот уже лет двести, чтобы корабли из Волго-Балтийского канала прошли в Финский залив или обратно...» Вот и все? Для другого автора - да. (А что сделать с этим Михайлов, читайте далее.)

Беспокойство дополняет тексты неожиданными степенями свободы. Когда пространство и время существуют в нескольких временах и вечности одновременно. Непонятно?

У жизни, как теперь известно, нет сюжета, а есть, если приглядеться, одни факты (они же - товары, они же - персоны), которые Михайлову «напоминают полуфабрикаты» или «тени коньячных клопов и сабил...»

живет преимущественно в сером, в однотонном спектре. И все другие оттенки ему вредны. Его естественная среда - это всегдашняя серость...»

Успевает Игорь Михайлов заставить мир с первым лучом, чтобы увидеть, как «все вокруг оживает»?

Банально? Как и вся литература. Как и сама жизнь, в которой задолго до Михайлова «зима начала приходить в Александров... из Олденево».

«Но я все равно иду смотреть, как разводятся мосты. Как разрезаются две половинки судьбы... И все на набережной стоит в оцепенении, то ли от страха (а вдруг больше не сведут), то ли от счастья (а зачем сводить, пусть так теперь и будет, ведь красиво)...»

И пробу соединить две половинки, чтобы потом попытаться объяснить своему сыну, зачем я это делаю. Но ничего не выходит...»

Особенно, когда «слово «бывшее»... употреблено в значении прошедшего времени, длящегося в настоящем».

И тут для логики следует замкнуть круг, начавший эпиграфом с ничего не говорящим дедушкой-толстовец. Но думать-то ему не может запретить даже автор:

«Смотри растеряно по сторонам, и сердце отчего-то щемит, и ком в горле, и слезы в глазах, как в детстве, когда обидели. Случилось что-то. Чего я не знаю и не понимаю, но чувствую. Все как-то вдруг вышло помимо моего желания и воли...»

И я подумал, что если Христос сегодня ночью воскреснет, то пусть - здесь... Он им больше чем ли нужен...»

Потому что если Его не будет в этой жизни с развалинами, остатками прежнего уклада... грязью и бедностью, кирпичной трубой, бессмысленно нацеленной в небо, Шариком и Жучкой, совокуляющимися из века в век на платформе, то печальной имя - Струнино - так и будет в личной памяти звучать, словно вой голодной суки на луну».

А чтобы несколько снизить серьезность монолога, добавим мистики, которой кружево расшиты «Письма из недалека» Игоря Михайлова: «Я как-то отключился для себя решил, что некоторое время после исчезновения... Торжка стану являться в кошмарах постояльцам филиала гостиницы «Тверца», где я жил три дня».

Век тому назад это была церковно-приходская школа с церковью... Теперь вместо церкви - баня с бассейном и сауной, во дворе - гостевой домик с бильярдом и каминном. Так вот. Облеченный в черный саван, будто ангел возмездия, я буду пугать постояльцев своим угрюмым взглядом, топить их в бассейне и шваброй запырять в сауне. Я стану проклятием следующего после нас поколения... И огненной десницей на бревенчатой стене бани начертаю: «ПРИВЕТ ИЗЪ ТОРЖКА».

В каждой шутке, как говорится... Борис ЛУКИН.

У жизни, как теперь известно, нет сюжета, а есть, если приглядеться, одни факты (они же - товары, они же - персоны), которые Михайлову «напоминают полуфабрикаты» ...

сивилл...», рыцарей с копьем, бодающих острием чьи-то тщедушные змеиные тела в чешуе, за которой скрыта гнусная сущность бытия по имени «факт» и «сюжет».

Потому и не «факты-сюжеты» управляют текстом, а дядя Толя Кукушкин, по велению которого и хляби небесные разверзаются, а мороз озеро до дна промораживают, а рыба в ил спать зарывается, а луч света посылается на мир и город, и рождаются цвет, звук, слово.

«Луч света пробит мир на множество цветных оттенков, грозная расколоть единый монолит на мозаичные осколки, а город

Еще как выходит, уважаемый Игорь Михайлов, потому что это у вас сказано: «А через два часа судьба сведет мосты... И все исчезнет. И все будет несчастны и счастливы. И в ночи тихо заплачет... ребенок. Заплачет, причащенный к тайнам, оттого что развели мосты, а он еще не знает, на каком он берегу, потому что сам - река и берет...»

Все исчезнет, что не вошло в эти «Письма из недалека». Все-все. И только оттого страшно, «особенно, если вы, грешным делом, думаете, что предания старины глубокой не имеют для современного жителя... равно никакого значения».

Красота из тьмы времени

альбомы

В Российской академии художеств (РАХ) состоялась презентация альбома-каталога «Иконы романовских писем», подготовленного Рыбинским государственным историко-архивным и художественным музеем-заповедником при содействии РАХ.

Издание выводит из тьмы времени уникальную иконописную школу романовского письма, своеобразное ответвление ярославской школы XVIII - начала XIX вв., малозвестное широкому кругу ценителей прекрасного. Название ее не имеет ничего общего с династией Романовых, а идет от небольшого городка Романова-Борисоглебска близ Ярославля. Число местных иконописцев было невелико, трудился он в основном по заказам местных состоятельных людей, не выезжали далее Ярославля и Рыбинска и тем не менее создали свой особый романовский стиль.

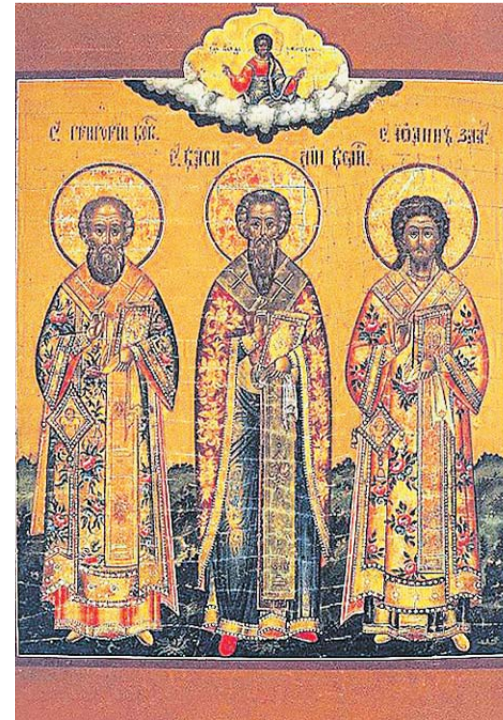
Романовские мастера были старообрядцами, но охотно работали для официальной церкви. Они с благоговением относились к творчеству своих земляков, великих иконописцев XVIII века - Гурия Никитина и Семена Спиридонова и старались

подражать им. Отсюда - заданная высокая планка мастерства и своеобразная стилистика. Несомненно, кроме ярославской школы, романовские мастера использовали приемы своих коллег - строгановских, устюжских мастеров и московских «царских иконографов». Романовские иконы славятся тонким письмом, красотой и одухотворенностью.

Золотой век романовской школы - конец XVIII - начало XIX вв., когда либеральное отношение правителей позволяло расцветать «древнеправославному» искусству. Гонения на старообрядцев при Николае I отправили раскольников и их иконописцев в подполье, где она к началу XX века постепенно заирела.

Романовские письма отошли в область легенд. Иконы были рассеяны по музеям и частным собраниям. К счастью, сохранились прорисовки-образцы, купленные в конце XIX века Историческим музеем. Благодаря сотрудничеству музея Зое Павловне Морозовой романовские иконы были выделены по стилистическим признакам и датированы, что позволило снова ввести их в научный оборот.

Автор исследования - сотрудница Рыбинского музея-заповедника Ирина Львовна Хохлова, авторы описаний - сотрудники ведущих музеев и НИИ страны. Значительная часть икон, вошедших в альбом, происходит из Романова-Борисоглебска и его окрестностей. Критерии отбора - выбор и трактовка сюжетов, типаж, колорит, чисто романовские детали, например облачка, полукруглые снизу и фестончатые сверху. Иконы, хранящиеся во всех крупнейших музеях страны, собраны воедино.

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 13 марта 2012 года, 6-я стр.

Олег ТОРЧИНСКИЙ. На снимках: обложка и иллюстрация из альбома.

зидентом страны, то следил за этим уже в рамках всей России. Олигархи российские - Ходорковский, Гусинский, Березовский и другие - затеяли многоходовую комбинацию по превращению Путина в фиктивного президента. «А реальным руководителем страны будет Ходорковский» - через купленный контроль над Думой и Советом Федерации. Но власть не стала играть ни в домино, ни в шахматы - просто перевернула стол.

Сделалась четко видна позиция власти: «внутренней и внешней политикой России должно заниматься государство, а не отдельные, пусть даже очень богатые люди».

Как известно, партию свою олигархи проиграла.

Проработав два срока на президентском посту, Путин стал премьер-министром - пожалуй, самым деятельным и, на мой взгляд, толковым со времен Косыгина.

В книге Ольги Видовой проанализированы многие ключевые эпизоды из жизни России последних трех десятилетий, как и из жизни людей, находившихся на вершине власти, в том числе - Горбачева, Ельцина, Путина. И если Горбачев и Ельцин отмечены в книге знаком «минус», то Путин - знаком «плюс».

Питерский поэт Александр Кушнер изрек когда-то точную фразу: «Времена не выбирают» - и он прав! Мы не можем выбрать время, в котором нам следовало бы жить, а вот время выбрать нас этой, это определено свыше, и с этой библейской истиной ничего поделать нельзя.

Марина ЗАВАРУЕВА.

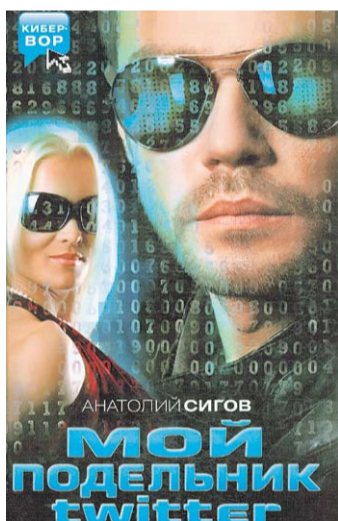
Пираты XXI века

ЧТИВО

На дворе - XXI век. Компьютерные технологии развиваются стремительным темпом. И нечего удивляться тому, что появились люди, которые используют новейшие достижения техники в корыстных целях. Они - пираты XXI века - хакеры.

«Она росла вместе с ростом компьютерной техники и информационных технологий... Но настоящий переворот совершил Интернет. Она окупилась в него, как в океан, пока не сделала открытием, что информация стоит денег». Я цитирую повесть «Дигитальные пираты» из книги

Анатолия Сигова «Мой подельник twitter».

Анатолия Сигова «Мой подельник twitter», выпущенную издательством «Эксмо». Она - это американка российского происхождения Вероника, которая зарабатывает себе на жизнь взломом банковских счетов. Вероника, конечно, не хакер высшего класса, но тоже чего-то может. Например, украсть деньги со счета американской фирмы, куда она устраивается на работу по поддельным документам. Но, увы, ей приходится бежать от преследования закона на историческую родину в Россию. В Москве девушку тоже ждут захватывающие приключения. Вероника, что называется, идет по проторенной дорожке - устраивается на работу в инвестиционный фонд, счета которого, на взгляд юной американки, необходимо существовать обогатить. В «Дигитальных телях» Вероника жутко серьезные проблемы: похищения и погони, встречи с сотрудниками российских спецслужб и ФБР, слежки и стрелки...

Честно сказать, я буквально проглотила эту книгу. Если в «Дигитальных пиратах» каждый герой не доверяет каждому и в итоге получается лихо закрученный психологический детектив, то в «Дигитальных телях» к детективу прибавляются еще драмы и настроения 1990-х, хотя действие произведения происходит примерно в наши дни.

Приятно отметить, что А. Сигов, знающий по firsthand опыту оборотной стороне мира информационных технологий, так по крайней мере его позиционируют на обложке книги издатели, - не перегружает свои произведения компьютерными терминами. Так что любой человек, даже тот, кто интернет, как говорится, в глаза не видел, поймет, о чем идет речь в «Моем подельнике twitter».

Майя АЛЕКСАНДРОВА.

Когда найдешь свое слово

юбилей

Не так давно наткнулась на рассказ Валентина Распутина с простым названием «В больнице». Перечитала его залпом, вновь испытывая щемящее чувство горечи и просветления одновременно. Опять подвиглась, как просто, чисто, завораживающе написано. Как приоткрыты в описании подробности и деталей большого быта. «В большом городе смотреть в окно - это смотреть в безысходность». Даже запах больницы как будто проник под кожу. К концу чтения разревелась и вспомнила, как кто-то из критиков нового времени называл Распутина «слезным» писателем.

Слезным? - удивилась Валентин Григорьевич. - Может, и так. Слеза ведь бывает не только сладостной, но и горькой. Поначалу у меня были слезы, а в рассказе 90-х годов слезы стали горькими. Что ж, переменялась сама жизнь, переменялась и слеза.

Тогда я работала над фильмом о Распутине на телеканале «Культура». Съемки проходили в его московской квартире. Говорили о «деревенщине», о книге публицистики «Сибирь», о сочинениях, уже ставших классикой: «Уроки французского», «Денги для Мари», «Живи и помни», «Пожар»...

Нет, ни рассказы, ни другие повести... «Прощание с Матерой» - эта повесть была для меня главной работой, - признавался Распутин. - Родина уезжала, родина затоплялась... Вот для этого, может быть, я и нужен был. Для этого я как-то и сбегер себя.

На полочке рядом с книжным шкафом оператор снимал коллекцию маленьких колокольчиков, привезенных, по словам писателя, чуть ли не со своего света, - стеклянных, фарфоровых, глиняных, деревянных - самых замысловатых форм и фигур.

«Я люблю смотреть на них, прежде чем начинать работу, - говорил Распутин. - Сам звук колокольчика - очиющающий, зовущий. А потом они не меняют голоса. В отличие от нас».

Этот нежный переливчатый голос колокольчика и стал лейтмотивом нашего фильма. Он звал на родину писателя, в Сибирь, в Иркутск, на Ангару. Стояла холодная зима, и мы очутились словно в царстве снежной королевы. Река Ангара сказочно застыла во льдах и снегах, а Иркутск был окутан голубоватым маревом тумана. До Аталанки, родной деревни писателя, мы не доехали. Но еще в Москве Распутин говорил, что все деревни по Ангаре и по Енисею оказались в тяжелом положении. Вот и его деревня... Лес вырубали, работы нет, школа сгорела.

Мне даже стыдно приехать туда, - говорил Распутин. - Ничем помочь не смог, как ни пытался... Единственно, что делал - привожу книги для библиотеки. А что толку от книжек, их уже и не читают...

Я спросила, куда же подевался читатель в нашей когда-то самой читающей стране.

Разбегался, стал заниматься другими делами. Читателю необходимо было выживать, и времени для чтения у него просто не хватало, даже

у преданного читателя. Да и с литературой тоже надо спрашивать... Читатель у нас сейчас - человек пожилого возраста. Это какая-то тоска по прежней жизни, по отношению к книге...

Между тем в книжных магазинах Иркутска шла нарастающая новая книга Распутина с притчевым названием «Мать Ивана, дочь Ивана», в какой-то степени неожиданная для писателя. Героиня повести Тамара Ивановна, простая русская женщина, труженица, мать двоих детей, убивает человека, рыночного торговца, изнасиловавшего ее дочь. Причем убивает прямо в здании прокуратуры, откуда за взятку собираются выпустить обвиняемого.

Мы снимали и здание прокуратуры, и причрачную фигуру женщины, выходящей из дверей на многолюдную улицу. Звучали слова из повести: «Сколько белого дня, столько и черной ночи. Вся жизненная дорога выстилается преодолением одного и достижением другого».

Точно такая же история произошла в Иркутске с моей землячкой, - рассказывал Распутин. - И у нее другое имя, и у дочери. Это было громкое дело. Потом случилось еще одно, когда женщина пошла на убийство ради дочери, которую изнасиловали. Это реальные факты. Я читал уголовное дело. Даже писал тем правовым языком, который там был.

«Но все-таки это убийство, - недоумевала я. - Как это сочетается с женской природой и христианскими заповедями? Или ваша героиня атеистка?»

«Вы знаете, атеистов нет. Все атеисты - в какой-то степени люди верующие, - твердо сказал Распутин. - Да, не должно убивать. Убийство - это грех, страшнее которого ничего нет. Но ведь она не просто защищает свою дочь от позора... Она видит, как преступники откупаются, правые органы наживаются на народной беде, и нет никакого наказания. Она защищает не только себя и свою дочь, она защищает истину, семью, род свой. Некому уже стало защитить. Мужики или не понимают, или сливаются: ослабили душу и духом... И потом, разве Тамара Ивановна так легко отдалась? Четыре с половиной года провела в колонии. Ей тяжело - это та самая совесть, самозакон, которая страшнее любого приговора».

«Вот видите, почему в этой повести так разоблены, так равнодушны друг к другу даже близкие люди».

Живем как попало, - ска-

жал Распутин. - Глухое безразличие. Наверное, мы угнетены настолько, что ничего уже не хочется. Как нас передвигают, так мы и передвигаемся. Наверное, потеряны какие-то волевые качества: уважение к себе, необходимость держаться вместе...»

Повесть «Мать Ивана, дочь Ивана» читали многие, но критикой она осталась почти не замеченной. Говорили, что Распутин остановился, да и зовут читателя назад, в прошлое.

«Я назад не зову, - отвечал Распутин. - Это бессмысленно. Как можно вернуться назад? Я бы, может быть, и хотел вернуться в 70-е годы, которые считались особенно светлыми для себя. Но все равно не получится... А зову я к сохранению тех ценностей, тех традиций, всего того лучшего, чем жил человек. Посмотрите, какие появились книги, какая пледая деревенщиков появилась в 70 - 80-е годы - с удивительным языком, удивительными способностями и талантом. Все эти люди родом из деревни, писательского опыта не было. Но было чутье к слову, потребность сказать главное... Как будто тикали часы и подождали время - скончались, а все это кончилось. Так оно в конце концов и получилось...»

В этот фильм мы включили фрагмент вручения Распутину премии Александра Солженицына в 2000 году. Александр Исаевич называл Валентина Распутина «прозорливцем, которому приоткрываются слои бытия, не всем доступные и не называемые им прямыми словами».

Сам Валентин Григорьевич считает, что надо «уметь слышать тех, кто уже ушел с этой земли. Может быть, они знают правду, для них открылась истина... Иногда самая большая работа для писателя - это молчание».

«Вы наполновили москвичи, наполновили иркутянини. Где легче пишется? - спросила я в конце беседы».

Пишется везде трудно. Иногда пишешь, а потом голову вскинешь, а где же ты есть на самом деле? Обернешься - ливневенщина под окном, небольшая моя избушка, где обычно работаю, - все на месте. И так хорошо станет, что забьется настолько, будто упыль куда-то в поисках слова... А найдешь слово, хорошее точное слово - тоже радость. Но ведь пока найдешь, что творится, ой-ой! Какая казнь, «казнь», как говорила моя бабушка.

Татьяна ЗЕМСКОВА.

Часть жизни сделал книгой

впечатления

Роман Наталии Соколовой «Литературная рабыня: будни и праздники» (издательство «Азбука», «Азбука-Аттикус»), главная героиня которого - редактор издательства, погружает нас в мир отношений «автор - редактор - издатель». В этом мире столько подводных камней и изменений течений, что трудно описать его без какой-то объединяющей идеи и соответствующей формы.

Идея, найденная Н. Соколовой, проста: она изображает свою жизнь (жизнь героини романа) как часть общего сюжета книги, а сюжеты редактируемых ею книг - как часть собственной жизни. Формально эта идея выражена в та называемой заковычанности: между началом и окончанием повествования нашлось место воспоминаниям героини, помещенной в барокамеру для медицинского обследования.

«Даша, студентка Литинститута, едет на практику в Грузию (условное название «Страна», где находится и любимый ею мужчина), и своей мир, близкий ей по духу. Но в «Стране» начинается гражданская война. Даша приходится уехать в родной Ленинград. - Питер».

Уехав, она не сказала слово Ираклию, что ждет ребенка. Проходят годы, ряд мелких

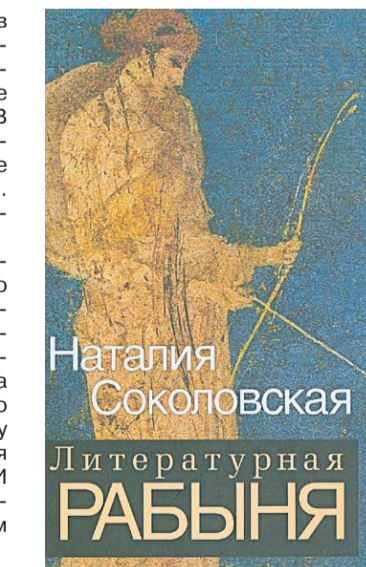
многочисленных обстоятельств не позволяла вернуться. Ираклий - фотокорреспондент, работающий в горячих точках, - не может приехать к ней и сыну. В звонок друг другу проходит десять лет, но речь не о том, а о ее работе литературной рабыни. Без обстоятельств такое не понасть.

От одиночества Дашу спасает только работа. Однако все попытки заработать (в издательстве зарплата символическая) заканчиваются неудачно. Испробованы и работа над книгой олигарха - будущего депутата, и поездка за границу с парижским режиссером для написания сценария фильма. И сочинение литературной основы сериалов по так называемым синопсисам.

И вот наконец попадается настоящая самобытная автор - женщина, буквально сплывшаяся с кавказских гор и опишавшая свою жизнь как бы для «книги в книге». Судьба Айдан стала отдельным сюжетом.

Таким же образом включена в роман и другая история, судьба гламурной писательницы Катины (Кати), живущей за границей на деньги богатого мужа, но при всем обремененном благополучием тягу к писательству.

И вот наш автор-редактор просыпается в своей барокамере и постепенно возвращается к реальности. А там и сын подросток, и Ираклий, надо понимать, при-

ехал. Такой вот простой финал - жизнь продолжается. Главное - понятно, зачем она продолжает жить и любить, и потому, что собственной жизни и ее «сюжеты» очень тесно переплетены с жизнью близких людей и своей Страны в широком смысле этого слова.

«Будни и праздники» в названии романа - чисто коммерческий посыл к читателю неопытному кругу. Ограничиться названием «Литературная рабыня» было бы намного информативнее.

Наталия ВАКУРОВА.

КНИГА В МОСКВЕ	НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:	Мaket: Оксана Мерзлякина	Телефон для связи:
	Руководитель проекта Александр Егорунин	Верстка: Марина Курова	8(499) 255-10-15
		Корректурa: Ирина Куткина	e-mail:
		Иллюстрация: Александр Акушкин	egorunin@mospravda.ru